

Соотношение полов во внутрирегиональной миграции в России: пространственная и возрастная дифференциация

Александр Александрович Герасимов
(aagerasimov_4@edu.hse.ru), Национальный
исследовательский институт «Высшая
Школа Экономики», Россия.

Spatial patterns of age-specific sex ratios in Russian intraregional migration

Aleksandr A. Gerasimov
(aagerasimov_4@edu.hse.ru), National
Research University Higher School of
Economics, Russia.

Резюме: Миграция – один из ключевых процессов, формирующих возрастно-половую структуру населения. Внутрирегиональная миграция, на которую в России за 2016–2020 гг. пришлось 39% миграционного оборота, за счёт следования центростремительному тренду оказывает значительное влияние на население многих территорий. Изучение половых диспропорций в миграции позволит лучше понимать её влияние на возрастно-половую структуру населения, рождаемость, брачность и местные рынки труда. Данная статья нацелена на выявление различий участия мужчин и женщин во внутрирегиональной миграции.

В работе были использованы данные о возрастно-половой структуре населения муниципалитетов и числе прибывших и выбывших по полу и возрасту за 2016–2021 гг. из базы данных показателей муниципальных образований (БДПМО). На основании этих первичных данных были рассчитаны коэффициенты прибывших и выбывших на 1000 жителей по отдельным возрастно-половым группам за 2016–2020 гг. Также отдельно были рассчитаны соответствующие стандартизованные коэффициенты для возрастов 15–29 лет, наиболее миграционно «активных», и 40+ лет. Отдельно рассмотрен кейс Центральной России.

Результаты исследования показали, что женщины проявляют более высокую миграционную активность в возрастах до 40 лет, мужчины – свыше 40 лет, причём на всех типах территорий. Более высокая миграционная активность женщин в молодых возрастах связана с большей вовлечённостью в образовательную миграцию, меньшими возможностями для трудоустройства на периферийных территориях, а также потенциально более частой сменой места регистрации при заключении брака, рождении детей и их устройстве в дошкольные учреждения и школы, мужчин в старших возрастах – вероятно, с тем, что они значительно реже, чем женщины, в одиночку ухаживают за детьми после развода или за пожилыми родственниками, что делает их менее ограниченными в вопросе миграции.

Ключевые слова: внутрирегиональная миграция, структура миграции по возрасту и полу, центры, периферия, муниципальная статистика.

Для цитирования: Герасимов, А. А. (2022). Соотношение полов во внутрирегиональной миграции в России: пространственная и возрастная дифференциация. Демографическое обозрение, 9(1), 91-107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14575>

Abstract: Migration is one of the key processes that shape the age and sex structure of a population. Intraregional migration, which accounted for 39% of migration turnover in Russia in 2016-2020 and follows the centripetal trend, has a significant impact on the population of many territories. The study of sex disparities in migration deepens the understanding of its impact on the age-sex population structure, fertility and marriage patterns, and local labor markets. This article aims to identify the differences in the participation in intraregional migration between men and women, using data on the age-sex population distribution and the number of arrivals and departures by age and sex in 2016-2021 in Russian municipalities. Based on these primary data, the coefficients of arrivals and departures per 1000 residents for individual age and sex groups for 2016-2020 were calculated. Also, the corresponding standardized coefficients were calculated for the ages of 15-29 and 40+ years. The case of Central Russia was considered in detail. The results revealed that women show higher migration activity at the age of up to 40 years, while men do so at the age of over 40 years and in all types of territories. The higher migration activity of women at young ages is associated with their greater involvement in educational migration and fewer employment opportunities in peripheral territories, as well as with a potentially more frequent change of registration when getting married, having children and enrolling them in preschool institutions and schools. As for men, their higher migration activity at older ages is probably due to the fact that they less often than women take care of children alone after a divorce or of elderly relatives, which makes them less restrained in terms of migration.

Keywords: *intraregional migration, migration structure by sex and age, core, periphery, municipal data.*

For citation: Gerasimov, A. A. (2022). *Spatial patterns of age-specific sex ratios in Russian intraregional migration. Demographic Review*, 9(1), 91-107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14575>

Введение

Соотношение полов – одна из важнейших характеристик демографической обстановки (Зайончковская 1991). Миграция играет ведущую роль в формировании соотношения полов для многих территорий. Половые диспропорции в миграции, изменяя состав населения на территориях выбытия и прибытия, оказывают влияние на рождаемость, брачность и местные рынки труда. Без анализа структуры миграции по полу понимание изменений в структуре населения и демографических процессов будет неполным.

О различиях в миграционной активности мужчин и женщин писал ещё родоначальник изучения миграции Э.Равенштайн (Ravenstein 1885). В частности, он отмечал, что среди женщин наблюдается более высокая миграционная активность на коротких расстояниях, среди мужчин – на дальних. Применительно к используемой в российских статистических публикациях категоризации внутрирегиональную миграцию можно отнести к перемещениям на короткие расстояния, а межрегиональную и международную – на дальние. Преобладание женщин во внутрирегиональной миграции в молодых, наиболее мобильных, возрастах подтверждается статистическими данными последних лет (Росстат 2021).

Внутрирегиональная миграция интересна не только наиболее значительными половыми диспропорциями в сравнении с другими направлениями, но и тем, что потоки в ней во многом следуют центрo-периферийной иерархии территорий. Внутрирегиональная миграция, на которую в России за 2016–2020 гг. пришлось 39% миграционного оборота (Росстат 2021), преобразует возрастнo-половую структуру населения на крайне обширных территориях по всей стране.

Предлагаемая статья нацелена на выявление различий миграционной активности мужчин и женщин во внутрирегиональных перемещениях. Данные анализировали по отдельным возрастным группам в пространственном разрезе.

Предыдущие исследования

Особенности внутрирегиональной миграции в России

Ко внутрирегиональной миграции в российских статистических публикациях относятся перемещения, совершённые в пределах регионов между входящими в них муниципалитетами. Перемещения учитываются при смене регистрации по месту жительства, получении регистрации по месту пребывания или её окончании. Миграционная статистика категоризирует перемещения в соответствии с сеткой административно-территориального и муниципально-территориального деления со всеми её особенностями: так, миграция на сотни километров в пределах крупных сибирских регионов относится ко внутрирегиональной миграции, а переезд на противоположную сторону улицы, если по ней проходит граница регионов, в агломерациях Москвы и Петербурга расценивается как межрегиональная миграция.

Изменение движения между центрами и периферией меняется вместе со стадиями урбанизации (Нефёдова, Трейвиш 2002), что выражается в ослаблении или усилении центростремительных и центробежных потоков. В России, в отличие от западных стран, тенденция к концентрации значительно превалирует (Карачурина, Мкртчян 2016), чему способствует не только внутрirosсийская миграция, но более высокие темпы

естественной убыли населения при движении от центров к периферии. Данный градиент нарушается центрами второго и третьего порядков (Карачурина, Мкртчян 2013).

За счёт внутрирегиональной миграции происходит концентрация населения регионов в региональных центрах и сопредельных муниципалитетах (Карачурина, Мкртчян, Петросян 2021). Исключениями можно назвать немногочисленные регионы с сильными альтернативными центрами (например, Череповец в Вологодской области, Сургут и Нижневартовск в ХМАО, Сочи в Краснодарском крае).

Дифференциация миграции населения по полу

Особенности миграции по полу изучены слабее, чем по возрасту (Мкртчян 2021). В то же время различия паттернов миграции мужчин и женщин проявляются во многих аспектах, среди которых можно выделить причины и последствия миграции, её интенсивность, а также пространственные и временные особенности.

Дифференциация между полами в паттернах миграции становится всё более обусловленной экономическими факторами. В развитых странах исследователи отмечают связь более высокой мобильности женщин с гендерным дисбалансом на рынке труда (структура занятости, уровень оплаты труда) (Faggian, McCann, Sheppard 2007). В Восточной Германии, где наблюдаются схожие с российскими пространственные закономерности в соотношении полов (диспропорция в молодых возрастах в пользу мужчин в сельской местности, в пользу женщин – в городах), более высокая миграционная активность женщин также мотивирована неравенством на рынке труда (Leibert 2016).

Для некоторых пространственных уровней в развитых странах отмечается селективная миграция по полу. Например, в Швеции женщины, проживающие в сельской местности, активнее задействованы в образовательной миграции, что увеличивает их шансы на переезд как для получения образования, так и после его завершения с выходом на рынок труда или вступлением в брак (Johansson 2016; Karpestam, Nåkansson 2021). На это также косвенно указывают российские данные (Бессуднов, Малик 2016) – девушки поступают в 10-й класс чаще, чем юноши, что в дальнейшем даёт им возможность поступать в вузы, расположенные преимущественно в региональных центрах.

Если говорить о старших возрастах, то относительно более высокая миграционная активность мужчин в них может быть связана с последствиями разводов (Clark 2013; Мкртчян 2021): как правило, при разводе в России дети остаются с матерями, что может осложнять их мобильность; женщины также чаще вынуждены ухаживать за пожилыми родителями.

Центро-периферийные отношения территорий

Пространство России значительно поляризовано, в нём существуют контрасты социально-экономического развития между крупными и малыми городами, сельской местностью (Нефёдова 2009). Данная гетерогенность пространства выражена в различиях уровня жизни, который снижается при иерархическом движении от центров к дальней периферии (Zubarevich 2013). Поляризация пространства является ведущей причиной поддерживающейся десятилетиями центростремительной миграции (Карачурина, Мкртчян 2016), важной составляющей которой являются внутрирегиональные перемещения.

Центростремительная миграция сама и своими последствиями меняет возрастную и половую структуру населения вовлечённых в неё территорий: население региональных центров моложе периферии, в них начиная с молодых возрастов наблюдается диспропорция в соотношении полов в пользу женщин, связанная с селективностью центростремительной миграции по полу (Кашницкий 2014; Герасимов 2022). Наиболее сильно центр-периферийные различия выражены в Центре, Сибири и на Северо-Западе.

Концентрация образовательных учреждений, более крупные и разнообразные сферы услуг, досуга и рынок труда – то, что привлекает мигрантов из периферийных территорий в крупные центры. Масштабы стягивания населения страны в крупногородские центры недооценены: многие мигранты, покинувшие периферийные территории и давно проживающие в других местах, продолжают числиться по месту регистрации, тем самым завышая численность населения сельской местности (Фомкина 2017; Алексеев, Воробьёв 2018), отдельных посёлков и малых городов. Из-за этого фактическая интенсивность выбытий из периферии может быть даже выше, чем рассчитанная по статистическим данным.

Ограничения исследования

Данное исследование имеет ряд ограничений из-за правил миграционного учёта в России, а также качества и природы располагаемых данных:

- российская миграционная статистика отражает реальную миграционную ситуацию со значительными искажениями, затрудняющими её анализ. Особенности миграционного учёта по-разному сказываются на данных о перемещениях мужчин и женщин. Такие события в жизни женщин, как рождение детей и вступление в брак, вероятно, зачастую приводят к смене регистрации (Мкртчян 2021), однако им в большинстве случаев предшествует длительное проживание в месте, отличном от адреса регистрации;
- особенности миграционного учёта в России порождают феномен статистического артефакта «псевдовозвратной» миграции (Мкртчян 2020): автоматическое «возвращение» мигрантов с истекшей регистрацией по месту пребывания на изначальное место проживания. Из-за «псевдовозвратной» миграции завышается число прибытий в муниципалитетах-донорах и число выбытий в муниципалитетах-реципиентах мигрантов;
- мужчины в большей мере вовлечены в вахтовую миграцию, не отображающуюся в миграционной статистике (Мкртчян 2021). Несмотря на то, что вахтовая миграция является преимущественно межрегиональной (Мкртчян, Флоринская 2019), из-за неё на мужчин приходится меньше перемещений во внутрирегиональной миграции в периферийных муниципалитетах, где вахтовая миграция наиболее популярна;
- институциональное население, к которому относятся контингенты вооружённых сил и учреждений ФСИН, учитывается по месту пребывания (Пьянкова 2014), но их перемещения регистрируются в миграционной статистике лишь в отдельных случаях¹.

¹ Согласно указаниям Росстата по заполнению форм статистического наблюдения, в миграционной статистике учитываются перемещения военнослужащих, проходящих службу по контракту. Призывники и заключённые учитываются только в том случае, если они сменили место проживания после прохождения службы или отбывания наказания соответственно.

Будучи преимущественно мужскими, институциональные контингенты занижают показатели миграционной активности мужчин в муниципалитетах своего размещения;

- определённым препятствием для анализа статистических данных может быть уклонение мужчин призывного возраста от службы в вооружённых силах: будучи зарегистрированными по одному адресу, они могут проживать по-другому. Данный аспект может дополнительно снижать миграционную подвижность мужчин в определенных возрастах, часть которых, вероятно, переехав, не регистрируется по фактическому адресу. В целом данное ограничение связано с общим допущением при использовании российской миграционной статистики: в ней фиксируется не перемещение, а изменение регистрации;
- из анализа были исключены города федерального значения (Москва, С.-Петербург, Севастополь) и сопредельные регионы из-за того, что миграция между ними учитывается как межрегиональная, а не внутрирегиональная, что не даёт возможности корректно сопоставить эти регионы с другими. Также внутрирегиональная миграция в городах федерального значения – это де-факто переезды между районами городов, не сопоставимыми с муниципалитетами остальных регионов. Из-за недостающих данных из расчётов полностью или частично были исключены ещё 49 муниципалитетов в различных регионах страны;
- наконец, для получения более точной пространственной картины нужны более длинные статистические ряды, необходимые для устранения влияния на результаты случайных колебаний, вызванных малым числом наблюдений. Более ранние данные использовать затруднительно как из-за коротких временных рядов в Базе данных показателей муниципальных образований (БДПМО), так и из-за несопоставимости данных, возникшей из-за изменений порядка статистического учета миграционных событий в 2011 г., после которых отображаемые в статистике объёмы миграционных потоков стабилизировались только к 2015–2016 гг. (Мкртчян 2020).

Данные и методы

Основным источником данных служит БДПМО (Росстат 2022а). Территориальными ячейками являются муниципальные образования первого уровня, т. е. муниципальные районы, городские и муниципальные округа. Были использованы данные о численности населения муниципалитетов по полу и возрасту на начало года за 2016–2021 гг. и о числе прибывших и выбывших за год по полу и возрасту за 2016–2020 гг.

Показатели за 5 лет были усреднены, динамика в данном исследовании не являлась предметом анализа. Небольшие и колеблющиеся размеры возрастных когорт как среди проживающих, так и среди мигрирующих в малонаселённых муниципалитетах от года к году, а также ограниченный временной ряд данных не дают возможность рассматривать показатель в динамике, в то время как усреднение показателя за пятилетний период позволяет видеть относительно устойчивую картину миграционных потоков. Значительные изменения миграционной активности в России 2020 г. (в связи с пандемией COVID-19) не сказались на соотношении полов в миграционных потоках (Мкртчян 2021), что позволяет учитывать данные по этому году наравне с остальными.

Анализ был выполнен по 2164 муниципальным образованиям (МО) в их границах на 2016 г. Часть муниципальных образований за рассматриваемый период претерпели административные преобразования. Статистические ряды по таким МО,

преобразованным, например, из муниципальных районов в городские округа, объединяли. Для расчётов по объединявшимся или разъединявшимся МО использовали ряды до их преобразования, если их длина была достаточна (не менее трёх лет).

В исходной базе данных было значительное число пропусков. В данных о населении пропуски заполняли с применением импутации средних значений, если имелись данные за предыдущий и последующий год. В данных о миграции пропуски были разделены на 2 вида: «системные», к которым относились пропуски, отмечавшиеся для муниципалитетов во всех возрастных группах на определённые годы, и остальные, приходившиеся на малонаселённые муниципалитеты и/или на старшие, т. е. наименее мобильные возрастные группы. Данные пропуски заменяли на 0 для возможности проведения расчётов по описанной далее схеме.

Для анализируемых муниципалитетов были рассчитаны коэффициенты прибывших и выбывших мужчин и женщин на 1000 жителей соответствующего пола в следующих возрастных группах: 0–14, 15–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59, 60–64, 65–69 и 70+ лет. Границы возрастных групп связаны с группировкой возрастных когорт в численности населения в исходной базе данных. Вначале была рассчитана средняя численность населения в 2016–2020 гг. как среднее между показателями на 1 января двух последующих лет. Затем на каждый год рассчитывали коэффициенты, год пропускали при наличии пропуска в ряду хотя бы одного из показателей. Полученные показатели усредняли за пятилетний период, но при наличии более двух пропусков в ряду коэффициентов расчёт не проводили.

Для картографического анализа были выбраны две укрупнённые возрастные группы, представляющие наибольший интерес: 15–29 лет, возраст наибольшей миграционной активности, и 40+ лет, возраст, в котором отмечается большая миграционная активность мужчин. Для устранения различий возрастного состава мужчин и женщин в данных возрастах показатели рассчитывали с применением стандартизации по среднему за рассматриваемый период весу исходных возрастных групп в населении России.

Для более детального определения пространственных различий в миграционной активности полов была выбрана Центральная Россия, где наблюдаются давно установленные и ярко выраженные центр-периферийные отношения территорий. Муниципалитеты были разделены на 4 группы по расчётам А. Райсха (Райсх 2019), на основе гравитационного метода выделившего зоны тяготения крупных населённых пунктов на территории России. В отдельные группы были выделены региональные центры с пригородными районами (28 МО), крупные города с населением более 100 тыс. человек и пригородными районами (10 МО), локальные центры с населением менее 100 тыс. и прилегающими районами (58 МО) и прочие муниципалитеты (251 МО). Из анализа были исключены муниципалитеты, относящиеся к Московской агломерации, а также территории, на которых размещаются учреждения ФСИН и крупные контингенты вооружённых сил² (за исключением крупных городов, где их влияние на возрастную структуру населения незначительно). Численность населения, число прибывших и

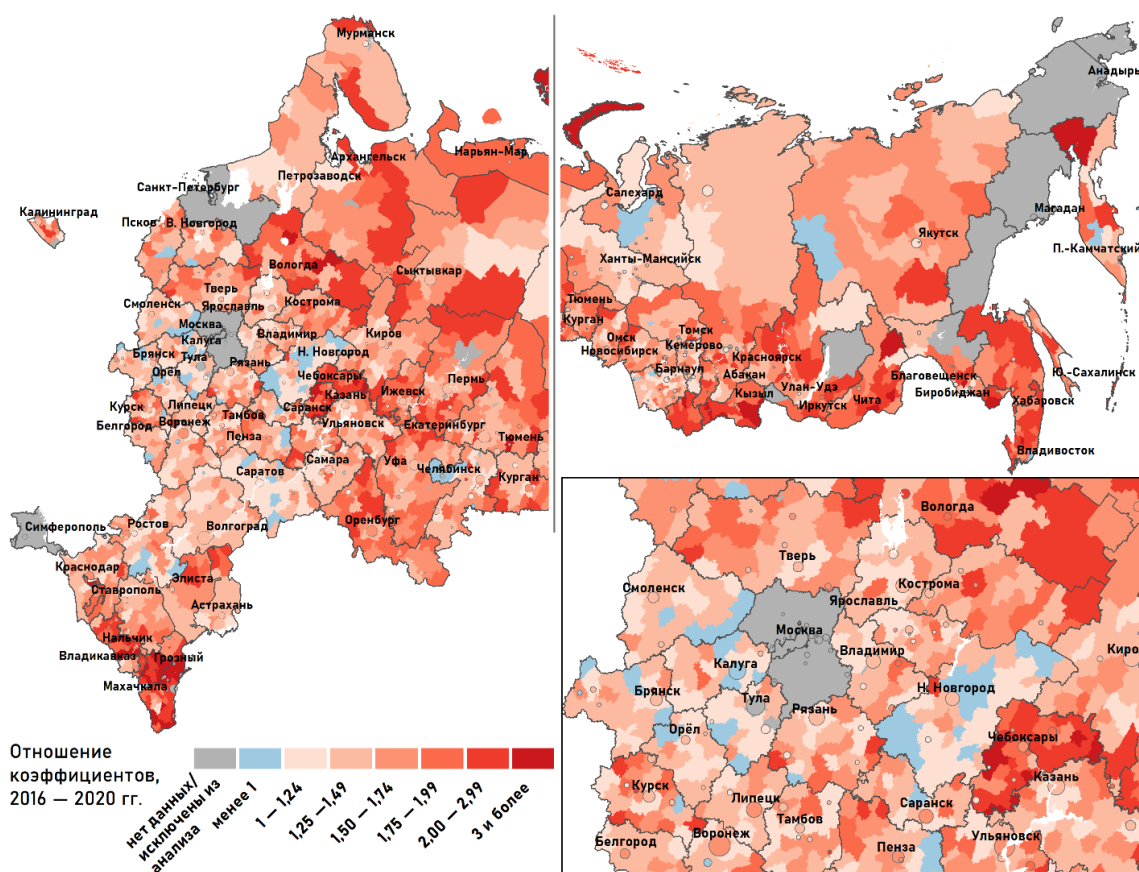
² Списки исправительных колоний и колоний-поселений предоставлены на сайтах региональных управлений ФСИН. Расположение крупных воинских частей определяли по открытым данным, сверявшимся с муниципальной статистикой.

выбывших были просуммированы по вышеуказанным четырём группам, что позволило получить коэффициенты прибывших и выбывших, аналогичные расчётам по отдельным муниципалитетам.

Результаты

Деление возрастных коэффициентов прибывших и выбывших женщин на соответствующие коэффициенты для мужчин позволило сравнить миграционную активность полов по муниципалитетам и получить следующие результаты.

Рисунок 1. Отношение коэффициентов прибывших в возрасте 15–29 лет на 1000 жителей соответствующего пола (женщины/мужчины)³

Источник: Составлено автором на основе собственных расчётов.

Прибывшие в возрасте 15–29 лет. На рисунке 1, демонстрирующем отношение коэффициентов для прибывших в возрасте 15–29 лет, отмечается большая миграционная активность женщин в абсолютном большинстве муниципалитетов. Для значительной части периферийных территорий прибытия в данном возрасте – вызванное особенностями миграционного учёта «отражение» выбытий, связанных с образовательной миграцией. В крупных городах, куда направлены центростремительные потоки, видно более интенсивное прибытие женщин. Полученные результаты корреспондируют с исследованиями по отдельным регионам: например, Г. Леонидова и Н. Вячеславов (2016) на основе данных по Вологодской области установили, что в молодых возрастах на женщин

³ Здесь и далее на картах городские округа представлены с генерализованными границами для лучшего отображения в масштабе карты.

приходится до двух третей всех внутрирегиональных перемещений.

Наибольшие диспропорции в пользу женщин заметны в регионах Севера, Дальнего Востока и Северного Кавказа. В первых двух макрорегионах, а также в ряде муниципалитетов в других частях страны более высокая миграционная активность женщин связана с размещением военных контингентов на данных территориях, искусственно занижающих миграционную активность местных мужчин из-за учёта институционального населения по месту пребывания без регистрации его перемещений в миграционной статистике. В случае Северного Кавказа объяснение результатов затруднительно из-за отмечаемых исследователями проблем с демографической статистикой (Казенин 2014; Мкртчян 2019).

Отдельное внимание следует уделить двум поволжским республикам: Чувашии и Марий Эл. В большей части муниципалитетов обоих регионов отмечается значительно более высокая миграционная активность женщин в сравнении с мужчинами, что видно не только по прибытиям, но также по выбытиям (рисунок 2). Расчёт коэффициентов по пятилетним возрастным группам показал, что пик миграционной активности женщин в большинстве муниципалитетов приходится на 25–29 лет, у мужчин – 15–19 лет. Данные из БДПМО по муниципалитетам с наибольшими диспропорциями представлены в таблице 1.

Таблица 1. Численность населения и прибывших за год в возрастной группе 25–29 лет в отдельных районах Республик Марий Эл и Чувашия

	Район	Население на начало года						Прибывшие за год				
		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2016	2017	2018	2019	2020
Женщины	Куженерский ⁴	283	208	126	87	91	143	35	35	29	27	25
	Аликовский	260	134	53	25	81	157	42	33	23	27	19
	Красночетайский	195	76	27	19	31	82	24	28	41	21	25
	Шемуршинский	188	99	13	30	82	142	25	20	24	16	17
	Шумерлинский	103	90	31	17	41	69	21	15	11	10	9
	Яльчикский	79	17		42	95	205	40	34	39	39	39
Мужчины	Куженерский	492	405	351	308	286	306	15	11	7	8	13
	Аликовский	575	485	338	314	319	392	22	16	28	20	10
	Красночетайский	538	462	376	314	277	336	32	22	12	21	12
	Шемуршинский	425	359	245	185	183	180	13	10	12	8	6
	Шумерлинский	278	199	185	169	179	215	8	8	3	8	
	Яльчикский	382	321	220	244	291	389	27	22	25	12	10
Соотношение полов, м. на 100 ж.	Куженерский	174	195	279	354	314	214	43	31	24	30	52
	Аликовский	221	362	638	1256	394	250	52	48	122	74	53
	Красночетайский	276	608	1393	1653	894	410	133	79	29	100	48
	Шемуршинский	226	363	1885	617	223	127	52	50	50	50	35
	Шумерлинский	270	221	597	994	437	312	38	53	27	80	
	Яльчикский	484	1888		581	306	190	68	65	64	31	26

Источник: Составлено автором по данным БДПМО (Росстат 2022а).

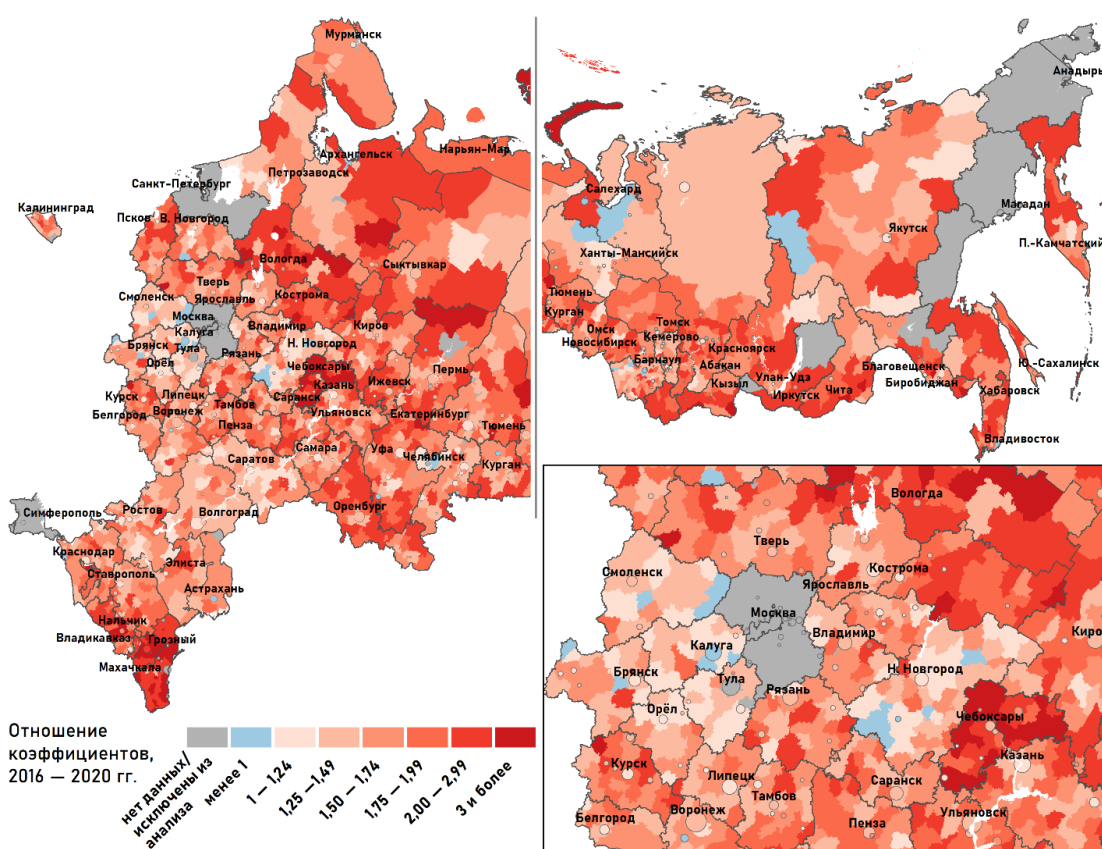
В представленных в таблице районах, как и в других муниципалитетах двух республик, отмечается значительная диспропорция в соотношении полов в пользу мужчин, в разы превышающая, к примеру, значения для периферийных муниципалитетов Центральной России (120–130 мужчин на 100 женщин (Герасимов 2022)). Причина данной

⁴ Куженерский МР относится к Республике Марий Эл, остальные – к Чувашской Республике.

аномалии неясна, но тот факт, что она чётко локализуется в границах регионов даёт основание предположить, что для данных двух регионов имеют место проблемы со статистическим учетом миграционных событий на уровне муниципалитетов.

Выбывшие в возрасте 15–29 лет. В сравнении с прибытиями по всей стране в выбытиях отмечается ещё более высокая миграционная активность женщин (рисунок 2). В случае ряда регионов (Республики Алтай, Тыва и Бурятия) можно предположить, что на различиях в интенсивности миграции в молодых возрастах также сказывается популярность контрактной службы в вооружённых силах (ВС), из-за которой часть мужчин вовлекается в межрегиональную миграцию. Вероятно, что служба в ВС для многих периферийных территорий служит социальным лифтом и одним из немногих надёжных источников дохода.

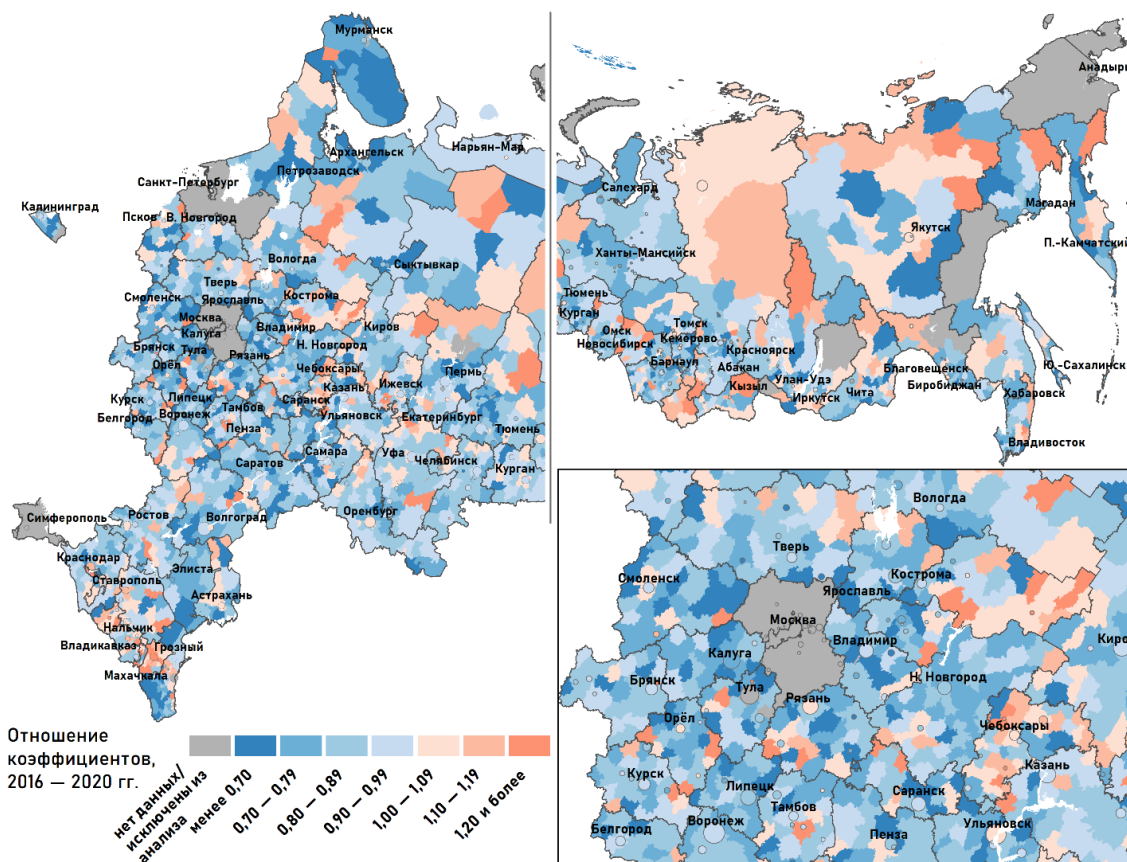
Рисунок 2. Отношение коэффициентов выбывших в возрасте 15–29 лет на 1000 жителей соответствующего пола (женщины/мужчины)

Источник: Составлено автором на основе собственных расчётов.

Прибывшие в возрасте 40 лет и старше. Как для прибытий (рисунок 3), так и для выбытий (рисунок 4) наблюдается более мозаичная пространственная картина в сравнении с возрастом 15–29 лет. Это связано с более низкой миграционной активностью в старших возрастах, и как следствие, с влиянием малых чисел на результат, несмотря на описанные выше попытки его устранения при расчётах (усреднение показателей за 5 лет и агрегирование возрастных групп). По этой причине более интенсивные прибытия среди женщин этих возрастов, как и значительная диспропорция в пользу мужчин, как правило, свойственны малонаселённым муниципалитетам.

Рисунок 3. Отношение коэффициентов прибывших в возрасте 40 и более лет на 1000 жителей соответствующего пола (женщины/мужчины)

Источник: Составлено автором на основе собственных расчётов.

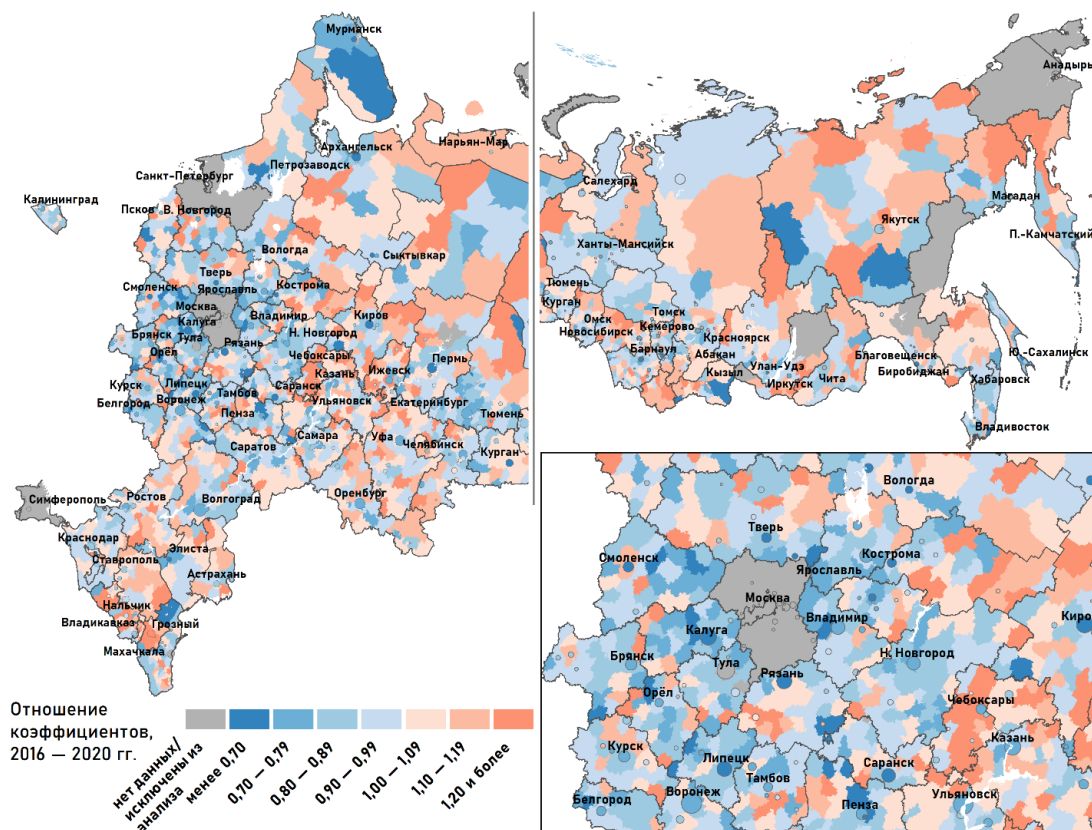
В большинстве муниципалитетов происходит более интенсивное прибытие мужчин — как в крупных городах, так и на периферийных территориях. В отдельных случаях миграционная активность мужчин искажается преимущественно мужскими контингентами учреждений ФСИН (к примеру, на севере Пермского края, северо-востоке Кировской области и севере Нижегородской области).

Выбывшие в возрасте 40 лет и старше. В данном случае более высокая интенсивность выбытий мужчин наблюдается в заметно меньшем числе муниципалитетов, однако среди тех территорий, где отмечается более высокая миграционная активность женщин, также преобладают малонаселённые муниципалитеты (рисунок 4). В свою очередь в крупных городах по всей стране видна диспропорция в выбытиях в пользу мужчин.

В молодых возрастах по всей стране заметна более высокая миграционная активность женщин: как в центрах, так и на периферийных территориях. Наиболее значительные диспропорции в пользу женщин отмечаются в макрорегионах, где значительно присутствие институциональных контингентов (в первую очередь Север и Дальний Восток), а также в тех регионах, где среди мужчин наиболее популярна служба в вооружённых силах.

В старших возрастах пространственная картина не совсем ясна из-за влияния статистики малых чисел, однако в густонаселённых муниципалитетах, в первую очередь в крупных городах, наблюдается более высокая миграционная активность мужчин.

Рисунок 4. Отношение коэффициентов выбывших в возрасте 40 и более лет на 1000 жителей соответствующего пола (женщины/мужчины)

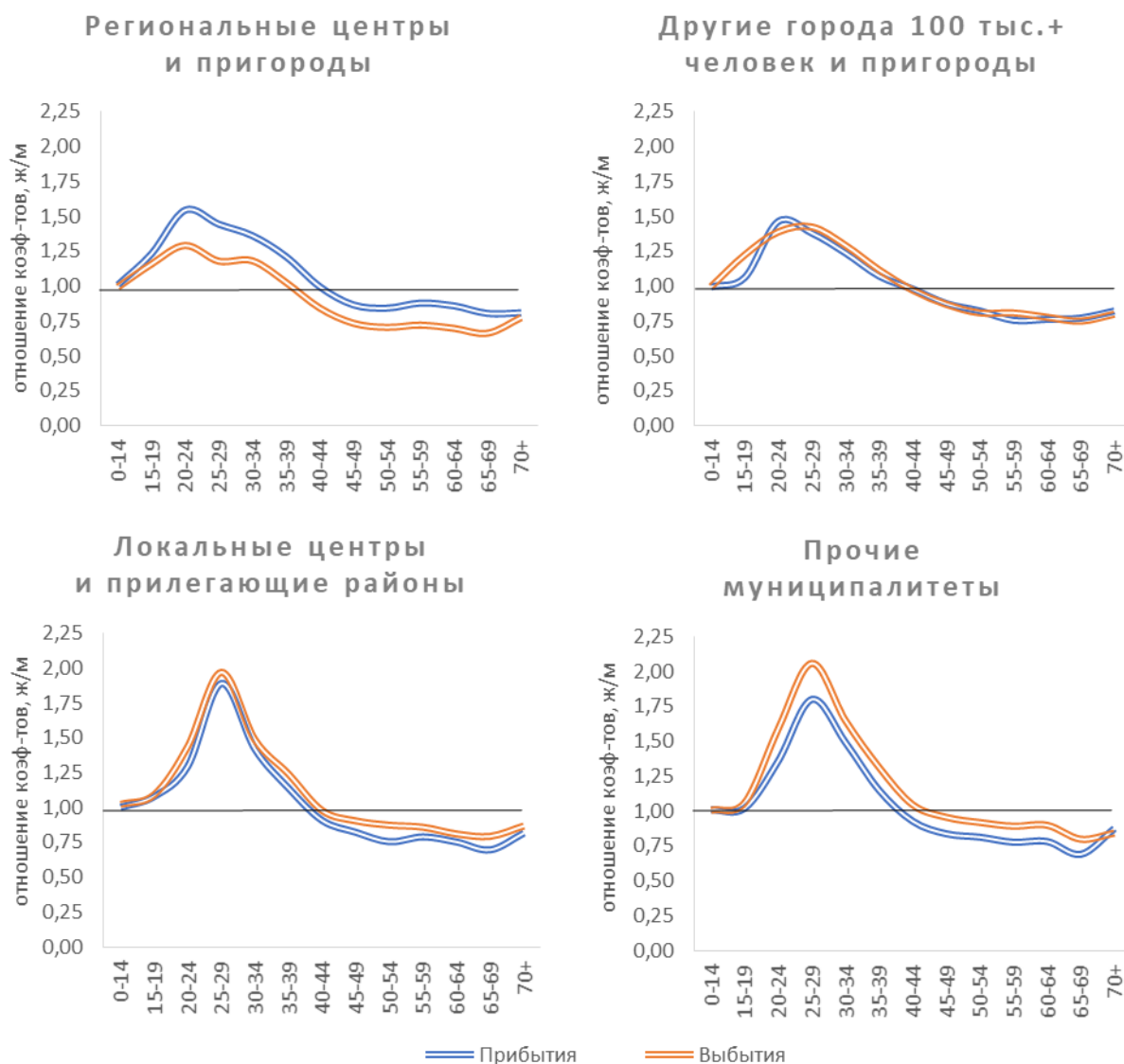

Источник: Составлено автором на основе собственных расчётов.

Внутрирегиональная миграция в Центральной России. Детальные расчёты по Центральной России подтвердили результаты картографического анализа: в возрастах до 40 лет на всех типах территорий наблюдается более высокая миграционная активность женщин, старше 40 лет – мужчин (рисунки 5–8). Во втором случае удалось избавиться от влияния малых чисел. Возрастной профиль диспропорций схож для крупных городов, являющихся реципиентами мигрантов (пик диспропорции в пользу женщин в 1,5 раза в возрасте 20–29 лет, миграционная активность мужчин в возрастах 40+ выше женской на 10–30%). Профили диспропорций для средних и малых городов с периферийными районами также схожи (пик диспропорции в пользу женщин в 2 раза в возрасте 20–29 лет, различия в возрастах 40+, аналогичные крупным городам).

По графикам для всех типов территорий видно, что в миграционных потоках, направленных в крупные города (т. е. прибытия в региональные центры и выбытия из периферии), женщины проявляют более высокую активность, чем в «псевдовозвратных» потоках (выбытия из крупных городов и прибытия на периферию). Такие события, как рождение ребёнка, устройство ребёнка в детский сад или школу и вступление в брак могут чаще подталкивать женщин менять регистрацию по месту фактического проживания, что приводит к их более высокой миграционной активности по данным статистического учёта, на что указывал Н. Мкртчян (2021). Крупные города, не являющиеся региональными центрами, при этом имеют схожие значения по прибытиям и выбытиям, что можно связать с тем, что их роль реципиентов мигрантов на региональном уровне значительно меньше, чем у региональных центров.

Рисунок 5-8. Отношение коэффициентов прибывших и выбывших (женщины/мужчины) в муниципалитетах Центральной России разных типов

Источник: Составлено автором на основе собственных расчётов.

В крупных городах в отличие от локальных центров и периферии наибольшие значения диспропорции в пользу женщин приходятся на возраст 20–29 лет, а значения диспропорции в целом меньше из-за большей численности населения в отдельных когортах. В возрастах 40+ лет различия интенсивности миграции между полами схожи по всем типам муниципалитетов с диспропорцией в пользу мужчин.

Возрастные профили локальных центров и периферийных муниципалитетов схожи из-за того, что в последние десятилетия малые города потеряли привлекательность для своих молодых жителей, а также для жителей окружающих территорий (Мкртчян 2017), в результате чего характеристики миграционных потоков в локальных центрах стали схожими с «периферийными». Остроконечный «пик» диспропорции в пользу женщин в локальных центрах и на периферийных территориях приходится на 25–29 лет. На данную возрастную группу в России приходится наиболее высокая рождаемость (Росстат 2022b)

и высокая брачность⁵, из-за чего в этом возрасте, скорее всего, различия миграционной активности мужчин и женщин максимальны.

Выводы

В молодых возрастах во внутрирегиональной миграции среди женщин наблюдается более высокая интенсивность перемещений, несколько различающаяся по разным типам территорий. С одной стороны, более высокая миграционная активность женщин подкрепляется более высокой успеваемостью в школьном образовании, дающей больше возможностей для поступления в вузы, концентрирующиеся в региональных центрах, а также ограниченными возможностями для трудоустройства на периферийных территориях. Пик диспропорции в пользу женщин приходится на 25–29 лет, что вероятнее всего связано с регистрацией женщин по фактическому месту жительства при вступлении в брак, рождении ребёнка или его поступлении в дошкольное учреждение, школу.

С другой стороны, миграционная активность мужчин искусственно занижена из-за особенностей учёта военнослужащих и контингентов учреждений ФСИН в демографической статистике. Служба в вооружённых силах, вовлекающая мужчин в межрегиональную миграцию, в отдельных регионах имеет более широкое распространение, что влечёт за собой искусственное занижение интенсивности внутрирегиональных перемещений мужчин. Значительное присутствие институционального населения приводит к искусственному увеличению «знаменателя», и в результате также занижает статистические показатели миграционной активности «местных» мужчин.

Мужчины в возрастах старше 40 лет проявляют более высокую миграционную активность на всех типах территорий. Скорее всего, данный факт связан с тем, что в российских условиях мужчины реже обременены заботой о детях после развода и/или необходимостью ухода за пожилыми родителями, что в сравнении с женщинами делает их потенциально более подвижными.

В результате внутрирегиональной миграции в молодых возрастах в населении крупных городов возникает диспропорция в соотношении полов в пользу женщин, на периферийных территориях – в пользу мужчин. Несмотря на более высокую интенсивность перемещений мужчин относительно женщин в старших возрастах, она оказывает значительно меньшее влияние на возрастную-половую структуру населения из-за низкого общего уровня миграционной подвижности в данных возрастах.

Литература

- Алексеев А.И., Воробьев М.И. (2018). Сколько сельских жителей в России зимой? *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (5), 104-107.
<https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/465/427>
- Бессуднов А.Р., Малик В.М. (2016). Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней

⁵ Второе наибольшее значение возрастного коэффициента брачности после возрастной группы 20–24 лет. Рассчитано автором по пятилетним возрастным группам по данным из Демографического ежегодника Росстата (Росстат 2022b).

- школы. *Вопросы образования*, (1), 135-167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>
- Герасимов А.А. (2022). Территориальная и возрастная дифференциация соотношения полов населения России. *Вестник Московского Университета. Серия 5. География*, (4), в печати.
- Зайончковская Ж.А. (1991). *Демографическая ситуация и расселение*. М.: Наука. http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/IDEM_library/pdf/book024.pdf
- Казенин К.И. (2014). Миграция дагестанцев внутри региона: некоторые демографические загадки. Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014, 30-40. <https://cyberleninka.ru/article/n/rets-na-kn-etnokulturnye-landshafty-na-postsovetском-prostranstve-problemy-i-osobennosti-formirovaniya-dagestanskogo-komponenta-k-90>
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2013). Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центр-периферийные соотношения. *Вопросы географии*, 135, 82-107. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25819767>
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2016). Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 5, 46-59. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-46-59>
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Петросян А.Н. (2021). Пространственные особенности миграционного прироста пригородов региональных столиц России. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 6, 123-134. <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/547019848.pdf>
- Кашницкий И.С. (2014). Что в возрасте тебе моем? *Демоскоп Weekly*, 581-582, 1-21. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0581/demoscope581.pdf>
- Леонидова Г.В., Вячеславов В.Н. (2016). Гендерные особенности внутрирегиональной миграции. *Вопросы территориального развития*, 2 (32), 1-12. <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1822/full>
- Мкртчян Н.В. (2017). Миграция молодежи из малых городов России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 137(1), 225-242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>
- Мкртчян Н.В. (2019). Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики. *Журнал исследований социальной политики*, 17(1), 7-22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22>
- Мкртчян Н.В. (2020). Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. *Демографическое обозрение*, 7(1), 83-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>
- Мкртчян Н.В. (2021). Половые диспропорции в потоках долговременной миграции в России. *Демографическое обозрение*, 8(3), 6-19. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13264>

- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 3(43), 78-94. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-4>
- Нефедова Т.Г. (2009). Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры». *Экономическая наука современной России*, 44(1), 62-77. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12109800>
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2002). Теория "дифференциальной урбанизации" и иерархия городов в России на рубеже XXI века. *Проблемы урбанизации на рубеже веков*. Смоленск: Ойкумена, 71-86. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0217/analit01.php>
- Пьянкова А.И. (2014). Методические проблемы сопоставимости данных переписей населения 2002 и 2010 годов (на примере Московской области). *Региональные исследования*, (1), 109-121. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21402137>
- Райсик А.Э. (2019) 434 экономических района, 29 миллионных агломераций и другое. <https://reissig.livejournal.com/11959.html>
- Росстат (2021). *Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения*. <https://showdata.gks.ru/report/278004/>
- Росстат (2022a). *База данных показателей муниципальных образований*. <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/>
- Росстат (2022b). *Демографический ежегодник России 2021*. https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm
- Фомкина А.А. (2017). Расхождения в оценках численности сельского населения (на примере Тверской области). *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (6), 88-91. <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/371/354>
- Clark W.A.V. (2013). Life course events and residential change: Unpacking age effects on the probability of moving. *Journal of Population Research*, 30(4), 319-334. <https://doi.org/10.1007/s12546-013-9116-y>
- Faggian, A., McCann P., Sheppard S. (2007). Some evidence that women are more mobile than men: Gender differences in UK graduate migration behavior. *Journal of Regional Science*, 47(3), 517-539. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-9787.2007.00518.x>
- Johansson M. (2016). Young women and rural exodus—Swedish experiences. *Journal of Rural Studies*, 43, 291-300. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0743016715000455>
- Karpestam P., Håkansson P.G. (2021). Rural boys, urban girls? The mystery of the diminishing urban-rural gender gap in Sweden. *Journal of Rural Studies*, 86, 282-297. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0743016721001479>
- Leibert T. (2016). She leaves, he stays? Sex-selective migration in rural East Germany. *Journal of Rural Studies*, 43, 267-279. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrurstud.2015.06.004>
- Ravenstein E.G. (1885). The laws of migration. *Journal of the statistical society of London*, 48(2), 167-235. https://www.jstor.org/stable/pdf/2979181.pdf?casa_token=N6kqrqUzLL0AAAAA: hvQW5-bzPOnJQQBkFDpFoxPrJGUMvDzRgOzp7VMtq31uA6_Ez9irvRj8GgRLwxhfKC5QI3B1z1sLdTjEc faxpD7ab2-oJWbSYGtgmx_w1_toPtOINM2g

Zubarevich, N. (2013). Four Russias: Human potential and social differentiation of Russian regions and cities. *Russia 2025*, London: Palgrave Macmillan, 67-85.
https://doi.org/10.1057/9781137336910_4